

ПРОЗА НАШЕГО ВРЕМЕНИ

ИГОРЬ САХНОВСКИЙ СВОБОДА ПО УМОЛЧАНИЮ

Романы

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА ШУБИНОЙ

Издательство

АСТ

Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С22

Художник *Ирина Сальникова*

В оформлении переплета использована фотография
Алексиса Лавоие (Alexis Lavoie)

Сахновский, Игорь Фэдович.
С22 Свобода по умолчанию : романы / Игорь Сахновский. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2016. — 349, [3] с. — (Проза нашего времени).

ISBN 978-5-17-096265-5

Прозаик Игорь Сахновский — автор романов «Насущные нужды умерших», «Человек, который знал всё» (награжден премией Б. Стругацкого «Бронзовая улитка», в 2008 году экранизирован) и «Заговор ангелов», сборников рассказов «Счастливы и безумцы» (премия «Русский Декамерон») и «Острое чувство субботы».

«Свобода по умолчанию» — роман о любви и о внутренней свободе «частного» человека, волею случая вовлеченного в политический абсурд. Тончайшая, почти невидимая грань отделяет жизнь скромного, невезучего служащего Турбанова от мира власть имущих, бедность — от огромных денег, законопослушность — от преступления, праздник — от конца света. Однажды, спасая любимую женщину, он переходит эту грань.

В книгу также вошёл роман «Насущные нужды умерших», переведённый на три европейских языка, удостоенный премии *Fellowship Hawthornden International Writers Retreat* (Великобритания) и опубликованный издательством «Галлимар» (Франция).

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-096265-5

© Сахновский И. Ф., 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2016

**Свобода
по умолчанию**

Роман

Часть первая

Любовники за гранью

я тебе стараюсь как могу потакать
и ты мне по возможности потакай
а то отнимут у нас наш ад
и подсунут их рай*

1

До ближайшего конца света оставалось меньше полугода, но никто специально не готовился и особо не спешил. Рядовому горожанину, приученному к концам света с молодых ногтей, всё равно по утрам нужно было вставать на работу и как-то жить своей сугубой жизнью каждый день.

Лето в городе незаметно, по-сиротски прокрадось вдоль стеночки под сизым складным зонтом. Зато осенью случились громкие события, о которых нельзя не упомянуть.

Во-первых, стремительно ушёл из жизни великий и прекрасный вице-мэр Н. Грезин, который ещё вчера отвечал за всю городскую торговлю, религию и культуру.

* Борис Кочейшвили.

Свобода по умолчанию

Смерть не была вовремя санкционирована — Грезин умер у себя дома за ужином, подавившись варёной свёклой. Уже ночью пресса Высшей инстанции сообщала: «Жестокая скоропостижная болезнь вырвала из наших рядов...»

Однако независимый журналист Д. Крюгер (кстати, дважды судимый за клевету) сумел настигнуть безутешную вдову на выходе из салона траурной косметологии. Он предъявил ей неопознанное удостоверение красного цвета, и госпожа Грезина, позеленев от страха, вскричала, что свёклу варила не она, а дрянь такая домработница — вот пусть теперь сама и идёт под суд!

Но в итоге под суд пошёл безработный камиказе Крюгер за то, что огласил на весь русский Интернет стыдную свекольную версию и таким образом подпал под новейшую статью за оскорбление чувств электората.

Санкционированная похоронная трасса пролегла по Ленинскому проспекту, в связи с чем отрезок между улицей Юрия Гагарина и площадью Вставания с Колен полностью перекрыли, а прилегающие тротуары на трое суток зачистили от пешеходов и вымыли с хлоркой.

В ходе зачистки была разогнана стайка немолодых женщин, которые пикетировали вход в овощной магазин, требуя максимального наказания для Крюгера, вплоть до пожизненной фрустрации: почти никто не знал, что это такое, но точно зна-

ли, что — справедливо. Не слишком удручённые разгоном, женщины купили в газетном киоске свежий номер «Христианского оракула» и ушли поглубже от проспекта, в зелёный муниципальный дворик — сидели там на скамейке возле железных качелей и зачитывали вслух гороскопы, скинув шлёпанцы и баретки с круглых босых ног.

Жители домов на Ленинском проспекте, чьи окна выходили на проезжую часть, переживали кончину вице-мэра с особой остротой. Дело в том, что на похороны мог явиться представитель Высшей инстанции, и поэтому, конечно, все окна и фасады опасных расположенных зданий решено было срочно заслонить глухим траурным декором в виде щитов. Жильцов оповестили об их добровольном категорическом отказе выходить на балконы, раскрывать окна и покидать квартиры.

К сожалению, саму церемонию, говорят, грандиозную, увидели только те, кто ещё включал телевизоры, невзирая на растущий духовный налог. По слухам, особенно эффектно выглядела колонна православных байкеров, замыкавшая блестящий кортеж.

2

Другое событие было не столь громким, но тоже выразительным.

Рядовой горожанин расстался навсегда с женой, потому что она безбожно пиналась. Ну ладно

Свобода по умолчанию

бы один раз кого-то случайно пнула на нервной почве — и всё. Так нет, не один. И не кого-то, а родного единственного мужа. Хотя после первой неудачной попытки могла бы одуматься и прекратить.

Дело было субботним вечером. Муж по фамилии Турбанов (она всегда звала его по фамилии) только прилёг на диван и начал перечитывать не то Свифта, не то Ронина — он их всегда перечитывал, а жена Альбина, последними словами ругая свою жизнь, ходила резким шагом через всю квартиру, от кухни до дивана, и ничто не предвещало дурного.

Ругань Альбины при любом тематическом раскладе подразумевала, что во всём обязательно виноват Турбанов и что он ей противостоит. Но в ту злосчастную субботу он скорее противолежал, а если и спорил с женой, то крайне осмотрительно (поскольку себе дороже), не считая твёрдого отказа от цветной капусты, которую Альбина варила каждый день.

Короче говоря, на пятом или шестом решительном подходе от кухни к дивану Альбина вдруг замахивается левой ногой — прямо вылитый Роналду перед одиннадцатиметровым — и со всей дури пинает Турбанова в район бедра. Но, промахнувшись, попадает не в район бедра, а в деревянный бортик дивана. Боль, рыдание, закрытый перелом ноги.

Часть первая. Любовники за гранью

Потом они ещё долго охают, трясутся и не могут надыхаться над этой несчастной левой с облупленным педикюром, запорошенной гипсом и запелёнутой в несвежие бинты, — как над отдельным драгоценным существом. Ну и, конечно, зализывают давние Альбиныны раны: у двоюродной племянницы с мужем квартиры на двенадцать метров больше, чем у них; подруга Вера два раза отдыхала на островах, и прочая оскорбительная беда.

Но даже такое травматическое пенальти не отбило у Альбины охоту пинаться. Всю промежуточную серию ударов обозревать не будем, последний же решающий пинок был нанесён даже не по Турбанову, а по его новым демисезонным ботинкам. Решающий в том смысле, что именно после этого Турбанов и принял безоговорочное решение расстаться с женой.

В один прекрасный день он случайно подглядел, как Альбина, уходя по делам, приникает жёсткими ресницами к зеркалу в прихожей, совершает какое-то неуловимое ритуальное действие и холодно отстраняется — уже совсем чужим человеком. Такое отчуждение и превращение жены в незнакомую злую красотку он видел тысячу раз, но то, как эта незнакомка, идя к двери, с диким раздражением пинает его скромные, ни в чём не виноватые ботинки, увидел впервые.

И, как выражается один насмешливый автор, тут всё и кончилось.

Хотя «кончилось» — не совсем правда, точнее говоря, совсем неправда, если живёшь и ходишь с таким ощущением, будто из твоего организма выдрали, не обезболивая, живую ткань, разняли какие-то единственные сердечные волокна и в этом месте растут воспалённые пустоты, адские чёрные дыры, которые ничем уже никогда не заполнишь, даже если окажешься в раю.

Вот примерно в каком состоянии существовал Турбанов после того, как Альбина собрала вещи и переехала к матери, а напоследок сообщила, что собиралась это сделать давно, только ждала подходящего случая. В отсутствие Альбины весь домашний быт с угрожающей быстротой скукожился и пожух.

Ложась спать, утыкаясь носом в подушку, Турбанов замечал, что наволочка несвежая, пахнет потом, и, уже засыпая, думал: надо бы завтра зайти за стиральным порошком, всё забываю; но завтра после работы снова забывал. Бродил с отрешённым видом по супермаркету «Родина», чтобы купить в итоге сигареты, банку баклажанной икры и твердокаменные мясные полуфабрикаты, добытые откуда-то из вечной мерзлоты.

Один раз Турбанов расклеился до такой степени, что стыдно рассказывать. Спасибо, хоть никто не видел, с какой бессмысленной бережностью он вечером, только придя домой, стал перебирать фа-

янсовые фигурки, которые Альбина упорно дарила ему на каждый Новый год: кролика, тигрёнка, дракончика; и как спустя несколько минут обнаружил себя рыдающим — в сломанной позе, в мятом офисном костюме, в жестоких простудных соплях.

4

Назавтра он не поехал на работу, хотя это был второй четверг месяца, то есть ежемесячный День суверенной православной демократии, и неявку даже по причине болезни могли расценить как не-лояльность четвёртой степени, если не хуже — как индивидуальный атеизм западного типа.

Но у Турбанова были тёплые, товарищеские отношения с непосредственным начальством по фамилии Надреев. В дерзком отрочестве они вместе воровали из школьного кабинета химии важные компоненты для производства пороха в домашних условиях и сообща начинали курить. В далёкой тревожной юности поочерёдно ухаживали за одной и той же взрослой девушкой с интригующим прошлым, которая обманула их обоих, доложив каждому по отдельности, что её папа заразил маму стыдной венерической болезнью прямо в момент зачатия, из-за чего дочка, то есть она сама, получилась врождённо больная. Зачем она сочинила эту глупость, непонятно. Возможно, у неё была такая специальная проверочная легенда, типа тест. Оба

Свобода по умолчанию

претендента не выдержали испытания. Надреев после медицинской новости как-то деловито покучнел и покинул ряды ухажёров, за что был обозван предателем. Турбанов же, напротив, с вечнозелёным простодушием взялся девушку утешать: дескать, ничего страшного, болезнь ведь можно вылечить — лишь бы человек был достойный! Но тут же получил упрёк в неразборчивости на сексуальной почве. Короче говоря, первая любовь имела унижительный аптечный запах и сопровождалась чувством вины.

За свою невыносимо длинную жизнь Турбанов успел пожить в четырёх очень разных странах, хотя никуда не эмигрировал и ни разу родину не покидал. Так уж случилось, что с каждой сменой руководителя в стране кардинально менялся государственный строй, а вместе с ним — все главные законы и моральные нормы. Быстро усвоить и полюбить новые порядки, сродниться с ними удавалось далеко не всем. Некоторым гражданам катастрофически не хватало гибкости и патриотизма, чтобы с восторгом принимать любые перемены в своей отчизне, которая, как известно, всегда права.

Турбанов, к примеру, ещё застал времена, когда действовал закон, каравший за «получение и дачу взятки должностному лицу». Закон этот постепенно умер, как умерли домашние телефоны, лазерные диски, бюстгальтеры и бессрочно запрещён-

ный вай-фай. Теперь и в указах, и в официальных рассылках устарелый термин «взятка» уважительно трактовался как «добровольное содействие в реализации властных функций» или как «народный деловой ресурс». Правда, в устных переговорах дающих и берущих персонажей по-прежнему звучали интимные продуктовые подсказки: «лимон», «арбуз», «капуста», «зелень» и нежные, деликатные намёки в том смысле, что «завтра прине­сёшь пятьдесят кусков – или я тебя урою нахер!»

У Турбанова был один крупный социальный де­фект, даже два.

Во-первых, гуманитарное образование, кото­рое он по наивности получил ещё до того, как всю туманную филологию и рассыпчатую журна­листику заменили на единые, прочные Основы духовности.

Во-вторых, он так и не научился пользо­ваться *народным деловым ресурсом*. Проще говоря, не умел брать. Он не начал брать даже в то вре­мя, когда немодная грубая «взятка» для многих государственных служащих стала фактически законенной частью зарплаты, как чаевые для официанта.

А больше всего ему вредила и мешала совпадать с любимыми временами какая-то неубиваемая готов­ность полагаться на совсем уж эфемерные вещи, без практического смысла и цены: будь то незна-